

Конюлёв Н.

Преподобный Корнилий
Комельский

ПРЕПОДОБНЫЙ КОРНИЛІЙ КОМЕЛЬСКІЙ.

Въ пяти верстахъ отъ уѣзднаго города Грязовца, Вологодской губерніи, возлѣ линіи Ярославско-Вологодской желѣзной дороги, есть святая обитель преподобнаго Корнилія Комельскаго. Обитель эта вмѣстѣ съ другими родными святынями, издавна посылается множествомъ русскихъ людей, находящихся въ ней радужный пріютъ и духовное утѣшеніе. Привлекаетъ сюда благочестіе христіанское святость угодника Божія, желаніе поклониться его негнѣннымъ мощамъ, испросить себѣ его небесной помощи и заступленія; привлекаетъ сюда и сосѣдство минеральнаго источника, пѣлебные силы котораго засвидѣтельствованы авторитетными отзывами людей науки и многочисленными опытами. Вслѣдствіе этого обитель Комельская каждую благодатную весну служитъ мѣстомъ посѣщенія многихъ больныхъ, пріѣзжающихъ сюда даже изъ отдаленныхъ окраинъ земли Русской; извѣстна она многимъ гражданамъ С.-Петербурга и Москвы. Здѣсь надежда на излѣченіе недужныхъ, чающихъ движенія воды, питается глубокою вѣрою въ Угодника Божія и его благодатную помощь. Положеніе обители въ одномъ изъ прекрасныхъ уголковъ, какіе только можно встрѣтить въ нашемъ православномъ отечествѣ, также немало привлекаетъ къ себѣ вниманіе паломниковъ. Окрестности монастыря представляютъ собою живописную равнину, волнуемую легкими возвышеніями. Самая обитель расположена на покатоности, склоняющейся къ рѣчкѣ Нурмѣ. Къ сѣверу отъ монастыря располагается прекрасный монастырскій лугъ, усыянный весною множествомъ благоухающихъ цвѣтовъ. Къ лугу примыкаетъ валь, съ аллею высо-

пихъ деревьевъ, составляющій пріятную перспективу, далеко простирающуюся на сѣверъ. Другія возвышенія окрестности усыяны селеніями, окруженными мелкимъ лѣсомъ; между ними видѣнь небольшой городокъ Грязовець; вдали къ востоку и западу синѣютъ дремучіе лѣса. Отраднo для благочестиваго христіанскаго чувства пребываніе въ святой обители, которая служила нѣкогда мѣстомъ подвиговъ Угодника Божія, превратившихъ лѣсную пустыню „въ градъ обительный.“ Здѣсь подвижникъ спокойно созерцалъ Бога, бесѣдовалъ съ Нимъ своимъ умомъ и сердцемъ. Первобытная дѣвственная природа привлекала къ себѣ взоръ его и возбуждала къ славословію Творца вмѣстѣ съ многочисленнымъ сонмомъ пернатыхъ своихъ насельниковъ.

Древность сохранила намъ много свѣдѣній о преподобномъ, заключающихся въ житіи его, прекрасно составленномъ инокомъ Корниліевской обители Наанайломъ. Въ предисловіи къ своему труду инокъ Наанайлъ называетъ себя ученикомъ преподобнаго, очевидцемъ его жизни, свидѣтелемъ его подвиговъ. О происхожденіи своего труда онъ замѣчаетъ слѣдующее: „Мы, пребывающіе въ сей святой обители, слышимъ частую просьбу отъ многихъ, посѣщающихъ ее: дадите намъ житіе святаго старца вашего, господина нашего Корнилія.“— „Мы же, зная нравъ старца своего, желаемъ писанію предать, что видѣли и слышали изъ устъ святаго.“— Жизнь преподобнаго Корнилія является въ высшей степени поучительною.

Родиной преподобнаго былъ славный своимъ прошлымъ Великій Ростовъ, дѣдъ

земли Залѣсской. Родители его были люди благочестивые — Феодоръ и Варвара, происходившіе изъ весьма знатнаго рода бояръ Крюковыхъ. Домъ ихъ процвѣталъ богатствомъ и славою „паче всѣхъ во градѣ Ростовѣ.“ Отецъ преподобнаго извѣстенъ былъ и самому „Державному всея Россіи,“ именемъ котораго ему и повелѣно было переселиться въ „царствующій градъ Москву,“ гдѣ онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Лукіаномъ, служилъ при дворѣ великой княгини Маріи Іоанновны, супруги Василія Васильевича Темнаго. Вмѣстѣ съ родителями переселился въ Москву и отрокъ Корнилій. Но не къ славы и почестямъ направлены были всѣ помыслы и стремленія юнаго Корнилія, а къ иночеству и жизни подвижнической. Когда дядя его Лукіанъ, достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, въ монастырѣ преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго принялъ иноческое постриженіе, его примѣру последовалъ и Корнилій. Двѣнадцати лѣтъ отъ роду онъ уже „презрѣлъ красная міра сего“ и, принявъ ангельскій образъ въ Бѣлозерской обители, началъ свои иноческіе подвиги подъ руководствомъ опытнаго въ духовной жизни старца Геннадія. Спустя семь лѣтъ, подвижникъ воротился не надолго на родину, съ тою цѣлю, чтобы привлечь за собою и брата своего Іакина. Возвратившись вмѣстѣ съ нимъ, Корнилій продолжалъ свое иноческое послушаніе и подвиги въ обители преподобнаго Кирилла. „Тяжкими работами онъ удручалъ свое тѣло. Кто-бо не знаетъ Кирилловскія хлѣбни? и возложилъ на себя вериги желѣзныя.“ Въ свободное время подвижникъ во множествѣ переписывалъ священныя книги, оставшіяся на долгое время въ монастырскихъ храмахъ свидѣтелями его подвижничества.

Недолго, однако, оставался Корнилій въ обители своего постриженія. Оставивъ ее, подвижникъ „по лѣстичному послѣдованію вдалъ себя странничеству“ и предпринялъ путешествіе по многимъ другимъ

монастырямъ и пустынямъ, чтобы воспользоваться наставленіями мужей опытныхъ въ духовной жизни. Посѣтивъ много обителей, преподобный прибылъ въ Великій Новгородъ и немалое время провелъ тамъ у мудраго и учительнаго архіепископа Геннадія, извѣстнаго борца за православіе и обличителя ереси жидовствующихъ. Святитель, видя благочестіе подвижника, полюбилъ его, хотѣлъ удержать при себѣ и рукоположить въ санъ пресвитера, но Корнилій по смиренію своему уклонился отъ такой великой чести и, испросивъ благословеніе архіепископа, удалился въ пустыню близъ Новгорода. Сюда святитель посылалъ ему все потребное для жизни, часто призывалъ его къ себѣ „бесѣды ради духовныя“ и однажды самъ посѣтилъ его. Стоустая молва стала разглашать о подвигахъ преподобнаго и къ нему стало стекаться много народа, „пресѣкала его безмолвіе.“ Это тяжело показалось любителю безмолвія, и онъ удалился изъ Новгородскихъ предѣловъ въ Тверскіе, ища для себя новаго уединенія. Тамъ онъ поселился въ дремучихъ лѣсахъ Савватіевой пустыни. Но и здѣсь убижище его было скоро открыто. Такъ онъ странствовалъ и еще по многимъ пустынямъ, пытаясь найти себѣ уединеніе, но каждое мѣсто его поселенія не укрывалось отъ людскаго взора. Наконецъ, въ 1497 году, въ княженіе Іоанна III, онъ пришелъ въ Комельскій лѣсъ, который тогда былъ непроходимъ, тамъ нашелъ хижину принадлежавшую когда то — разбойникамъ и поселился въ ней. Вотъ чѣмъ было тогда мѣсто цвѣтущей теперь обители! Разбойники вступились за свое жилище и нѣсколько разъ пытались нападать на подвижника. Однажды они ограбили его келію, не найдя, впрочемъ, въ ней ничего, кромѣ книгъ, которые и взяли съ собою. Но, пробуждавъ всю ночь, они на утро снова очутились близъ келіи святого, пришли къ нему и, возвративъ

похищенное, удалились, оставивъ святому и свое обиталище.

Овладевъ мѣстомъ своего поселенія, святой началъ „трудятися вельми на мѣстѣ томъ, помышляше трудами себе питати: лѣсъ сѣкій и нивы насѣвая.“ Описывая труды подвижника, подъятые имъ на дѣло колонизаціи лѣсной пустыни, жизнеописатель его невольно восклицаетъ: „кто доволенъ словесы обличити и сказати ми повѣсть, яже сотвори труды и подвиги на мѣстѣ томъ? Такъ много трудовъ и опасностей пришлось испытать святому въ устройствѣ своего новаго жилища. Одинъ разъ онъ пришелъ въ свою келлію, едва дыша, избитый разбойниками; въ другой разъ обрушилось на него дерево, отъ удара котораго онъ страдалъ цѣлые три мѣсяца. Оправившись отъ болѣзни, онъ однажды упалъ съ крутизны и разбился болѣе прежняго, едва избѣжавъ смерти. Потомъ, еще разъ привели его еле живаго, съ большою язвою на головѣ отъ дерева, упавшаго на него. Кромѣ этого, много приходилось ему терпѣть отъ людской клеветы и злословія, которыя доходили до самого великаго князя. Всѣмъ напастямъ святой противопоставлялъ одно оружіе—терпѣніе. Впрочемъ, не одни навѣты, но и добрая слава о подвигахъ святаго доходила до великаго князя, и онъ почиталъ его какъ угодника Божія.

Святой полюбилъ избранное имъ мѣсто и вознамѣрился создать здѣсь святую обитель. Теперь онъ уже не отказывалъ въ пріемѣ тѣмъ, которые хотѣли подвизаться вмѣстѣ съ нимъ, и пустыня его скоро наполнялась иноками и сдѣлалась „градомъ обительнымъ“. Святой создалъ небольшую деревянную церковь, которая по благословенію митрополита Симона освящена была въ 1501 году, въ честь Введенія Пресвятыя Богородицы, а самъ онъ 1 февраля того же года рукоположенъ былъ въ санъ пресвитера и сдѣ-

дался игуменомъ основанной имъ обители.

Съ теченіемъ времени вокругъ преподобнаго собралось „множество“ братіи, такъ что первоначально устроенная церковь оказалась уже тѣсною. Это побудило преподобнаго озаботиться устройствомъ большаго храма. Подъ руководствомъ святаго опять занята работа, въ которой принималъ участіе каждый изъ братіи, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей: „овому художество къ вознагражденію стѣнъ церковныхъ, другимъ же мудрость писати образа святыхъ иконъ, инѣмъ же рѣзати честные кресты, другимъ же писати книги“. Такимъ образомъ, „труды блаженныхъ ученикъ святаго, паче же постомъ и слезами создана бысть церковь превелика; украсиша ю благодѣлнѣи, яко невѣсту предобру образы святыхъ иконъ и книгами“. Новосозданная церковь освящена была въ 1515 году, по благословенію митрополита Варлаама.

По освященіи церкви, преподобный назначилъ чреды священнослуженія братіи, назначилъ епископа и ввелъ порядокъ и чинъ богослуженія, какой содержится въ большихъ лаврахъ. При братской трапезѣ онъ создалъ еще церковь въ честь святаго Антонія Великаго, первоначальника жизни отшельнической. Потомъ создалъ келліи для братіи, окруживъ ими обитель, на подобіе четырехъ-угольника, посреди котораго стояли церкви, „яко нѣкія очи зряще всюду“. Создалъ, затѣмъ, внутри монастыря больницу и поварню, внѣ обители—богачельню „страннымъ и нищимъ на покой“. Веденіе монастырскаго хозяйства святой вручилъ келарю; уставилъ и другихъ служебниковъ, хлѣбопекарей, нарядчиковъ рабочимъ.

Такъ устроена была одна изъ замѣчательныхъ сѣверныхъ обителей, превратившаяся еще при жизни самого основателя въ „большую лавру“, въ которой подвизалось тогда уже болѣе десяти тысячъ иноковъ. Народная любовь къ подвиж-

нику росла съ каждымъ днемъ. Множество людей приходило къ нему, желая помолиться въ его обители, принять благословеніе, получить духовное наставленіе и утѣшеніе святаго старца. Онъ никому не отказывалъ, всѣхъ принималъ съ любовью. Предметомъ особенныхъ попеченій святаго были люди бѣдные, несчастные и обездоленные. Для нищихъ всегда открыты были монастырскія сокровищницы. Однажды, въ храмовой праздникъ, роздана была вся монастырская казна, такъ что болѣе подавать было уже нечего. Въ это время получена была въ монастырь милостыня отъ великаго князя Василія Іоанновича—двадцать одинъ рубль, и тѣ немедленно были розданы. Въ другой разъ великій голодъ свирѣпствовалъ въ Вологодской странѣ; четверть ржи продавалась по рублю и болѣе. Монастырь постоянно наполнялся массами голодныхъ. Дѣло дошло даже до того, что матери повергали предъ вратами монастырскими своихъ дѣтей. Святый благодворилъ всѣмъ несчастнымъ, питалъ всѣхъ голодныхъ.

Устроивъ порядокъ своей обители, святый бдительно слѣдилъ за ея жизнью: самъ обходилъ всѣхъ труждающихся на полѣ и на нивахъ. Обычай имѣлъ святый старецъ обходить глубокимъ вечеромъ братскія келліи. Если онъ слышалъ здѣсь тихую молитву или псалмопѣніе, незамѣченный уходилъ дальше. Если же слышалъ празднословіе и занятія не на пользу души, давалъ знать о своемъ присутствіи легкимъ ударомъ въ келейное оконце. Послѣ, на общихъ собраніяхъ дѣлая поученіе братіи, онъ изобличалъ безпорядки иноческой жизни, не называя по имени ихъ допустившихъ.

Съ теченіемъ времени, устроая внутреннюю жизнь обители, преподобный написалъ для братіи „уставъ иноческаго житія“, явившійся результатомъ опытовъ его духовной жизни. Чтобы внушить уваженіе братіи къ этому уставу, главное

правило котораго состояло въ неуклонномъ исполненіи важнѣйшаго изъ иноческихъ обѣтовъ—обѣта послушанія, онъ далъ братіи разительный урокъ въ слѣдующемъ обстоятельстве. Однажды братъ—старшій надъ пекарями испекъ много хлѣбовъ, не испросивъ позволенія настоятеля, какъ этого требовалъ монастырскій уставъ. Узнавъ объ этомъ, святый старецъ велѣлъ всѣ испеченные хлѣбы бросить на большой дорогѣ, а хлѣбовъ было два воза.

Не смотря на всѣ заботы святаго о благоустройствѣ иноческой жизни, среди братіи наблюдались тяжкіе пороки. Одинъ братъ по имени Ананія, сидѣвшій въ часовнѣ съ блюдомъ для принятія приношеній въ пользу обители, сталъ утаивать деньги и употреблять въ свою пользу. Онъ также изобличенъ былъ бдительнымъ старцемъ и долженъ былъ исповѣдаться предъ всѣми своей грѣхъ.

Строгость преподобнаго въ исполненіи требованій иноческаго устава создала много недовольныхъ имъ среди братіи и слугъ монастырскихъ. Нашлись злые люди, которые рѣшились даже покуситься на жизнь святаго старца. Это были два брата—нарядчики рабочихъ. Нѣсколько разъ они скрывались подъ мостомъ чрезъ рѣку Нурму, подстерегая святаго, чтобы исполнить свой злой умыселъ; но каждый разъ у нихъ не хватало рѣшимости исполнить свое злое дѣло, такъ что, наконецъ, мучимые совѣстію, они рѣшились неповѣдать предъ игуменомъ грѣхъ свой. Незлобивый старецъ простилъ имъ.

Подобнаго рода нестроенія иноческой жизни были причиною новаго удаленія святаго въ вождельнное ему безмолвіе. Напрасно братія умоляла его остаться въ обители; онъ былъ непреклоненъ. Въ утѣшеніе братіи сказалъ онъ, что хотя и разстается съ ними тѣлесно, душою всегда съ ними будетъ. Онъ созвалъ къ себѣ братію, избралъ для управленія обителью

двѣнадцать учениковъ своихъ и просилъ отпущенія. Взявъ съ собою „мало отъ братій“, преподобный удался съ ними версть за семьдесятъ отъ своей обители и поселился въ Костромскихъ предѣлахъ, въ глухой пустынь на берегу Сурскаго озера. Оставленная имъ братія въ обители, чувствуя для себя всю тяжесть своей разлуки съ нимъ, на общемъ совѣтѣ рѣшила просить старца о возвращеніи: „послаша вѣкоихъ отъ братіи ко отцу своему, моли его, дабы не оставилъ чады своихъ сирыхъ... Святый же отречеся имъ“.

Той зимой (1529 года) великій князь Василій Иоанновичъ съ княгинею предприняли путешествіе въ обитель Кирилла Вѣлозерскаго „молити Господа Бога, во еже дароватися имъ чадородію въ наслѣдіе роду самодержавства ихъ“. Проѣздомъ великій князь заѣхалъ и въ Корниліевъ монастырь и служилъ здѣсь молебень. Узнавъ объ удаленіи старца, онъ спросилъ братію: „коя ради вины Корнилій отыде въ пустыню?“—„Любе ради Христовы“—отвѣчала братія и просила Государя „понудить“ отца своего возвратиться къ нимъ. Исполняя эту просьбу, князь послалъ своихъ слугъ къ старцу Корнилію, повелѣвалъ ему явиться въ свою обитель и здѣсь ждать своего возвращенія. Самъ же далъ „братія милостыню довольну и учредивъ брашны“, продолжалъ путь свой.

На возвратномъ пути въ Вологдѣ великій князь встрѣченъ былъ старцемъ Корниліемъ и „радовашеся вельми о пришествіи старца, почте его, бесѣдова съ нимъ, и моли его о семъ, да молить Господа Бога во еже дароватися ему чадородію въ наслѣдіе роду и отпусти его въ монастырь“. Возвращаясь въ Москву, въ Корниліевъ монастырь князь снова встрѣтился со старцемъ и велѣлъ ему „пребывати въ монастыри“. Но онъ, „предлагая старость и немощь, глаголя и моляше великаго князя, да отпуститъ его въ пустыню плакатиися грѣховъ своихъ“. Князь „вѣдый добродѣтельное и трудолюбивое житіе его, положи на воли его“.

Корнилій удался въ пустыню. Но и на этотъ разъ онъ не нашелъ здѣсь желаннаго безмолвія; къ нему опять стала стекаться братія. Преподобный устроилъ келліи и вознамѣрился создать церковь. Съ этою цѣлю онъ отправился въ Москву, чтобы испросить у Государя и митрополита разрѣшенія на устройство новаго храма. Около этого времени Богъ даровалъ великому князю сына, нареченнаго Иоанномъ. Исполненный великой радости, Государь прибылъ въ Сергіеву обитель воздать благодареніе Богу. Здѣсь онъ встрѣтилъ старца Корнилія, шедшаго въ Москву. „Князь великій радостень бысть о пришествіи старца и почте его вельми, и примъ благословеніе его, и послалше его прежде себе въ царствующій градъ Москву, да шедъ благословитъ великую княгиню и Богомъ дарованнаго има сына.“ По возвращеніи князь, осыпавъ блаженнаго своими щедротами, часто призывалъ его къ себѣ и въ домъ потребное посылалъ ему. На просьбу же старца—основать въ пустыни церковь, князь отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ: „помяну моленіе и слезы братіи, еже моляху его въ монастыри—понудитъ отца ихъ Корнилія пребывати съ ними и сего ради не повелѣ ему въ пустыни церкви созидати, но понуждаше и съ прилежаніемъ, дабы былъ въ прежнихъ своихъ трудѣхъ въ своемъ монастыри со ученики своими.“ Приказаніе князя и отказъ ево въ просьбѣ показались тяжкими святому старцу; онъ скрылся въ неизвѣстности и пребывалъ въ домѣ одного христіюбца. Князь, не видя у себя старца, послалъ искать его по всему городу. Узнавъ объ этомъ, Корнилій тайно оставилъ Москву и удался въ Сергіевъ монастырь, послѣ чего князь велѣлъ прекратить свои поиски. Между тѣмъ насталъ праздникъ Богоявленія и самъ великій князь прибылъ на богомолье въ Сергіеву обитель. Встрѣтивъ здѣсь Корнилія, князь опять понуждалъ святого „и съ великимъ прилежаніемъ ити въ свой монастырь.“ Старецъ не смѣлъ болѣе противиться волѣ Государя, „положи на волю Божию и повинуюся ему.“ Обрадованный этимъ,

Государь послалъ своего слугу въ Корнилевъ монастырь, „повелѣ монахомъ быти, да молятъ старца Корнилія, еже не оставити ихъ.“ Монахи скоро пришли и своими слезными мольбами тронули старца; вмѣстѣ съ ними онъ пошелъ къ Государю, прося отпущенія въ монастырь свой. „Много обрадовашеся благочестивый великій князь о семъ и глагола святому: отче, яко отнелиже сотвори въ монастырь, не имѣши селъ и деревень, но ихъ-же требуеши, проси и дамъ ти.“ Старецъ не восхотѣлъ благъ міра сего, отъ которыхъ давно уже добровольно отрекся, но только просилъ князи дать монастырю «земли мало съ лѣсомъ, да отъ поту лица своего ямы, глаголю, хлѣбъ свой.» Князь охотно исполнилъ просьбу старца и, принявъ благословеніе, съ миромъ отпустилъ подвижника, прося его: „моли, отче, Бога о нашемъ здравіи“.

Велика была радость Комельской обители при встрѣчѣ ея основателя. Братія встрѣтили его, какъ ангела Божія, съ крестами и иконами: «ови отъ нихъ рудѣ его лобзаху, ови ногамъ касяхуся, и иніи ризамъ». Игумень Кассіанъ, избранный въ его отсутствіе, сложилъ свою власть, оставаясь въ послушаніи у своего учителя.—Въ своемъ монастырѣ преподобный снова принялся за обычные труды, „лѣсъ сѣкій и нивы насѣвал.“ Но здѣсь онъ встрѣтился опять и съ обычными невзгодами. Разъ, закидая хворостъ, онъ едва не сдѣлался жертвою пламени, объявшаго его со всѣхъ сторонъ, и только благодаря внезапно поднявшемуся вѣтру, могъ выйти изъ него невредимымъ. Святой встрѣтился снова и съ недовольствомъ братіи. Одинъ братъ, по имени Закхей, жаловался на скудость своей одежды и просилъ новой. Старецъ отдалъ ему свою одежду, а самъ долго ходилъ въ вязаной льнянѣй одеждѣ Закхея. Все это болѣе и болѣе удручало святаго старца и заставляло его сильнѣе чувствовать давно уже наступившую старость. Видя приближеніе конца земного поприща и ослабленіе своихъ силъ, святой рѣшилъ провести остатокъ дней своихъ въ затворѣ. Сдѣлавъ прощальное поученіе братіи, онъ удалился

въ обитель своего постриженія и затворился въ келлія, «да скончаетъ теченіе духовнаго подвига.» Но оставленная имъ братія не могла жить безъ своего учителя. Опять прибыли къ преподобному посланные изъ среды ея пять старцевъ съ просьбою, чтобы онъ не оставилъ ихъ сирыми, но возвратился безмолвствовать въ свою обитель. Старецъ сначала не уступалъ просьбѣ. Когда же къ Комельскимъ старцамъ присоединились игумень и братія Кирилловскіе, въ свою очередь прося его утѣшить братію, «да не како стуживъ си раздуются», блаженный склонился на общее моленіе и рѣшилъ снова возвратиться въ свою обитель, только предварительно велѣлъ тамъ избрать другого игумена. Его спросили, кого онъ хочетъ видѣть своимъ преемникомъ? Онъ назвалъ Лаврентія. Лаврентій былъ поставленъ игуменомъ, а возвратившійся старецъ «крайнее безмолвіе любу мудрствовати начати, затворися въ келліи.»

Но и еще разъ старцу суждено было покинуть предѣлы своей обители. Подъ конецъ его жизни, въ 1536 г., казанскіе татары, производя опустошеніе русскихъ городовъ и селеній, достигли вологодскихъ предѣловъ. Жители въ страхъ разбѣжались; опустѣли и обители, которыхъ также не щадилъ рука невѣрныхъ. Когда слухъ объ этомъ несчастіи дошелъ до старца Корнилія, онъ сказалъ: „сотворимъ челоуѣческое, бѣжимъ и мы, чтобы не явилась гордость или тщеславіе. Не добро самимъ вдаваться въ бѣду. Всемогущій Христосъ Самъ бѣжалъ въ Египетъ отъ Ирода, да научатся и другіе не вдаваться въ напасть“. Подвижникъ вмѣстѣ съ братією удалился въ Белоозерскіе предѣлы на Ухтому. Но рука вражія не коснулась обители. Вскорѣ послѣ возвращенія преподобный почувствовалъ совершенное изнеможеніе своихъ силъ и близость кончины. На четвертой недѣлѣ послѣ Пасхи большой велѣлъ вести себя въ церковь къ божественной литургіи, чтобы въ послѣдній разъ причаститься Святыхъ Таинъ. На другой день святой старецъ, простившись съ братією, велѣлъ читать акаѣистъ Спасителю и Божіей

Матери и тихо предалъ свой духъ Богу, 1337 г. 19 мая, 84-хъ лѣтъ отъ роду, послѣ 41 года своей подвижнической жизни въ Комельской пустыни.

Великій подвижникъ примѣромъ своей жизни и духовнымъ руководствомъ воспиталъ много мужей высокой духовной жизни, изъ которыхъ многіе сами сдѣлались впослѣдствіи основателями монастырей и прославились святостію жизни. Таковы блаженные: Кириллъ Новозерскій, Геннадій Любимскій, Иродіонъ Плезерскій, Адрианъ Шехонскій, Филиппъ Ирабскій, Даниилъ Шумгорскій. Всѣ были его учениками и постриженниками его обителя.

Въ руководство братіи преподобный Корнилій далъ уставъ иноческой жизни, состоящій изъ предисловія и XV главъ, который является замѣчательнымъ произведеніемъ древне-русской аскетической литературы. Послѣ уставовъ преподобныхъ Нила Сорскаго и Іосифа Волоцкаго это третій иноческій уставъ нашего русскаго происхожденія; до этого русское иночество руководилось уставами восточныхъ обителей, главнымъ образомъ, афонскимъ и студійскимъ. Въ предисловіи своего устава преподобный Корнилій излагаетъ общій взглядъ на инока, какъ человѣка не отъ міра сего; изображаетъ и иноческія добродѣтели: взаимное согласіе и послушаніе, другъ ко другу любовь, стремленіе къ нравственному самоусовершенствованію, скорбь о безплодномъ мимопедшемъ лѣтѣ, стремленіе къ отечеству небесному, память смертнаго часа и вѣчныхъ мукъ. Въ I главѣ говоритъ о церковномъ благочиніи. Здѣсь убѣждаетъ иноковъ совершать богослуженіе со всякимъ тщаніемъ, точно исполнять уставъ церковный, не лѣнностно посѣщать храмъ Божій. Во II главѣ говоритъ о благочиніи трапезы. На трапезѣ должно быть соблюдаемо строгое безмолвіе, такъ чтобы никого не было слышно, кромѣ читающаго прологъ, по принятому обычаю. Каждый долженъ занимать свое мѣсто. Пища всѣмъ должна быть одинакова. Въ III-й главѣ говорится о пищѣ и питіи. Пища должна быть проста, смиренна, удобопри-

обрѣтаема и малою цѣною. Въ великій постъ, кромѣ среды и пятка, должно быть одно вареніе, а въ среду и пятокъ пища всѣмъ—вода и хлѣбъ; квасъ давать въ эти дни только больнымъ. IV глава заповѣдуетъ инокамъ вкушать пищу только на трапезѣ и нигдѣ болѣе. Въ V главѣ говорится объ одеждѣ и обуви. Та и другая должна быть проста, худѣйшая и должна приобрѣтаться малою цѣною. Каждый братъ пусть имѣетъ двѣ одежды: одну ветхую—съ заплатами, другую—крѣпкую. Прочее—дѣло тщеславія и соблазна. VI глава заповѣдуетъ иноку довольствоваться монастырской одеждой и не просить ничего у постороннихъ. VII глава запрещаетъ братіи имѣть свою собственность, ибо „потому и называется (обитель) общежитіемъ, чтобы имѣть все общее и тѣмъ довольствоваться“. Желашій сподобиться небеснаго блаженства, долженъ строго соблюдать обѣтъ иноческой нищеты и нестяжательности, подобно убожеству Христову. VIII глава запрещаетъ иноку брать что нибудь принадлежащее обители безъ разрѣшенія игумена. IX глава говоритъ о томъ, что не должно ходить на трапезу безвременно. X глава заповѣдуетъ инокамъ на общей работѣ быть съ молчаніемъ и молитвою. Особенное благоговѣніе нужно соблюдать инокамъ, находящимся на работѣ внѣ обители, когда ихъ разговоры могутъ слышать міряне, да не похулено будетъ чернеческое житіе и не соблазнится мірская чадь. XI глава заираетъ инокамъ безъ нужды выходить изъ монастыря. XII глава заираетъ братіи принимать милостыню по рукамъ на разореніе общаго чина. XIII глава строго запрещаетъ инокамъ употребленіе пиянственнаго питія.—Въ первоначальной редакціи уставъ преподобнаго Корнилія и оканчивался этою главою, на что указываетъ ея заключеніе: „все, что здѣсь написалъ я недостойный *и грѣшный инокъ Корнилій, рукою моею предаю братіи моей, дабы по смерти моей это преданіе соблюдалось свято. Молю васъ, братіе, поживите въ братолюбіи, имѣйте взаимную любовь и мпръ. и Богъ міра да будетъ съ вами. Аминь“.

Но послѣдующій опытъ указалъ старцу предметъ еще для двухъ главъ его завѣщанія. XIV глава о приходящихъ братіяхъ, имѣющихъ стяжаніа особая. Повелѣвая принимать такихъ, преподобный заповѣдуетъ относительно ихъ стяжанія объявить игумену: что есть и гдѣ находится и если что съ ними будетъ, поставить въ монастырской казнѣ за своею печатію. Если по прошествіи годичнаго монашескаго искуса Господь укрѣпиль ихъ и они пожелають принять постриженіе, то должны раздать свое стяжаніе, куда захотятъ на пользу души, а если же нѣтъ, то пусть братія отпустятъ ихъ съ миромъ со всѣмъ ихъ стяжаніемъ. XV глава—о выходящихъ изъ монастыря и опять возвращающихся въ него братіяхъ. „Слышалъ я, пишетъ здѣсь преподобный, отъ многихъ, постригшихся у меня: нынѣ намъ не даетъ Корнилій пожить по волѣ нашей, а когда онъ умретъ, мы опять возвратимся въ нашъ монастырь и проживемъ, какъ захочемъ“. Такихъ онъ запрещаетъ принимать въ монастырь и велитъ остерегаться ихъ, да не разрушатъ общаго чина.

Въ нынѣшнемъ—своемъ состояніи обители преподобнаго Корнилія одна изъ цвѣтущихъ. Въ ней находится пять благолѣпныхъ храмовъ:

1) Соборный храмъ въ честь Введенія Пресвятой Богородицы, построенный во второй половинѣ XVI столѣтія.

2) Храмъ въ честь преподобнаго Корнилія, Комельскаго чудотворца, основателя обители. Въ этомъ храмѣ почиваютъ мощи подвижника; надъ ними устроена рака. Въ этомъ-же храмѣ находится икона преподобнаго, древняго письма.

3) Воскресенская церковь, построенная въ началѣ XVII столѣтія. Здѣсь находится особенно чтимый мѣстными жителями образъ Владимірской Богоматери, точный снимокъ съ подлинной чудотворной иконы. Въ этомъ же храмѣ хранится часть власяницы преподобнаго Корнилія и его фелонь, сшитая изъ шелковой матеріи съ камчатнымъ краснымъ оплечьемъ; она ветха и покрыта заплатами. Форма ея отличается отъ современной тѣмъ, что

передъ ея гораздо длиннѣе нашей и развѣ на одинъ вершокъ короче задней стороны. Здѣсь находится еще двѣ иконы древняго письма: преподобнаго Антонія Великаго и Корнилія Комельскаго.

4) Храмъ въ честь святителя Николая, Мурликійскаго чудотворца и

5) Храмъ во имя Божіей Матери—«Всѣхъ скорбящихъ Радости».

Въ числѣ другихъ достопримѣчательностей обители въ ней находятся два колокола иностраннаго литья. Одинъ вѣсомъ въ 103 пуд., имѣетъ надпись: «Kostev me fecit. Amstelodami». Другой въ 20 пуд., съ надписью «Durch Feuer floss ich Wolfgang Neidhardt in Fvan... mich 1640».

Въ ризницѣ монастырской, среди другихъ древнихъ вещей, хранятся напрестольные кресты съ частицами святыхъ мощей. Въ библиотекѣ монастыря есть рукописное житіе преподобнаго со службою древняго полууставнаго письма и древній рукописный синодикъ обители.

Въ числѣ здавій обители, кромѣ братскихъ келлій, есть въ монастырѣ гостиницъ и для пріѣзжающихъ лѣчиться минеральными водами. Число посѣтителей минеральнаго источника съ каждымъ годомъ возрастаетъ.

Н. Коноплевъ.